

Становление концепции диалогизма в раннем творчестве М.М. Бахтина

Научный руководитель – Губман Борис Львович

Якушева Юлия Александровна

Аспирант

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

E-mail: yuli-yakushe@yandex.ru

М.М. Бахтин испытал на себе влияние многих западно-европейских и отечественных школ неокантианства и их представителей - баденской (В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Э. Ласк), марбургской (Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер), русской (А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Г.И. Челпанов, С.И. Гессен, Г.Д.Гурвич). Отметим, что И.И. Лапшин, С. Гессен, Г. Гурвич являлись учениками профессора А.И. Введенского (1856-1925), с конца 80-х гг. XIX в. вплоть до 20-х гг. XX в. читавшего ряд философских курсов, логику и психологию в Петербургском университете [3, с. 510]. М.М. Бахтин усвоил и творчески переработал многие идеи А.И. Введенского [3, с. 513-530]. М.М. Бахтин увлекся неокантианством марбургской школы во время участия в невеликом кружке под влиянием Матвея Кагана [4, с. 196]. Сравнение текстов показало, что "М.М. Бахтин в своих поздних работах дословно цитировал (без ссылки) параграфы из работ Кассирера «Индивид и космос в ренессансной философии» (1927), «Гёте и исторический мир», «Философия просвещения» и «Платоновский ренессанс в Англии» (1932), не забывая также «Философию символических форм (1923-1929). Конспекты второго тома этого труда, как и конспекты "Индивида и космоса", найдены в архиве Бахтина" [4, с. 197]. В разговоре с филологом В.Д. Дувакиным М.М. Бахтин сказал, что он в тринадцать лет прочитал Достоевского, в четырнадцать - «Критику чистого разума», в восемнадцать - Кьеркегора, а вскоре и все три части «Системы философии» Г. Когена и что в молодости глава марбургского неокантианства оказал на него «огромное влияние, огромное» [2, с. 40]. Этико-философские теории неокантианства (В. Виндельбанд, Г.Риккерт, Г. Коген) имели большое значение для раннего М.М. Бахтина.

Общим у философии М.М. Бахтина и неокантианства является прежде всего внимание к духовному бытию человека, к духовной составляющей культуры. Ни человек, ни наука, ни культура не сводятся исключительно к материальному миру; их нельзя определить через категории материального бытия, видеть только в свете конкретных, физически осязаемых, количественно измеряемых явлениях, показателях: "Самым обычным явлением даже в серьезном и добросовестном историко-литературном труде является черпать биографический материал из произведений и, обратно, объяснять биографией данное произведение, причем совершенно достаточными представляются чисто фактические оправдания, то есть попросту совпадение фактов жизни героя и автора, производятся выборки, претендующие иметь какой-то смысл, целое героя и целое автора при этом совершенно игнорируются; и следовательно, игнорируется и самый существенный момент - форма отношения к событию, форма его переживания в целом жизни и мира" [с. 13]. В самом начале работы М.М. Бахтин предлагает отказаться от формального, фрагментарного взгляда на текст и анализировать его через понятие "целое". Гуманитарные науки, как следует из философии М.М. Бахтина, следует анализировать с позиции целостного ценностно-смыслового подхода. Философ выступает категорически против "сухого", фактологического, объективного объяснения, толкования текста: "Особенно дикими представляются такие фактические сопоставления и взаимообъяснения мировоззрения героя и автора: отвлеченно-содержательную сторону отдельной мысли сопоставляют с соответствующей мыслью

героя. Так, социально-политические высказывания Грибоедова сопоставляют с соответствующими высказываниями Чацкого и утверждают тождественность или близость их социально-политического мировоззрения" [1, с. 13-14]. М.М. Бахтин вслед за неокантианством утверждает огромную важность, уникальность бытия личности и ее несводимость к сухо изложенным фактам биографии. Отметим, что создатель текста реагирует на своего героя, причем держит в поле зрения не отдельные черты характера его, а всего его в совокупности его индивидуальности: "в основе реакции автора на отдельные проявления героя лежит единая реакция на целое героя, и все отдельные его проявления имеют значение для характеристики этого целого как моменты его. Специфически эстетической и является эта реакция на целое человека-героя, собирающая все познавательно-этические определения и оценки и завершающая их в единое и единственное конкретно-воззрительное, но и смысловое целое. Эта тотальная реакция на героя имеет принципиальный и продуктивный, созидательный характер" [1, с. 10].

М.М. Бахтин, так же, как и различные представители неокантианства, постулирует творческую активность человека, показывает важность в познании эмоциональной сферы деятельности человека: "Я создаю активно внешнее тело другого как ценность тем, что я занимаю определенную эмоционально-волевую установку по отношению к нему, именно к другому; эта установка направлена вперед и не обратима на меня самого непосредственно. Переживание тела из себя - внутреннее тело героя объемлется его внешним телом для другого, для автора, эстетически оплотняется его ценностной реакцией" [1, с. 48].

М.М. Бахтин предлагает обратить внимание на смысловое и ценностное наполнение текста, ценности и смыслы, важные для создателя этого текста. Эти смыслы и ценности существуют не сами по себе: они взаимодействуют друг с другом через "я" и "Другого", через "внешнее тело" и "внутреннее": "Тело другого человека - внешнее тело, и ценность его осуществляется мною воззрительно-интуитивно и дана мне непосредственно. Внешнее тело объединено и оформлено познавательными, этическими и эстетическими категориями, совокупностью внешних зрительных и осязательных моментов, являющихся в нем пластическими и живописными ценностями. Мои эмоционально-волевые реакции на внешнее тело другого непосредственны, и только по отношению другого непосредственно переживается мною *красота* человеческого тела, то есть оно начинает жить для меня в совершенно ином ценностном плане, недоступном внутреннему самоощущению и фрагментарному внешнему видению. *Воплощен* для меня ценностно-эстетически только другой человек. В этом отношении тело не есть нечто самодостаточное, оно нуждается в *другом*, его признании и формирующей деятельности. Только внутреннее тело - тяжелая плоть — дано самому человеку, внешнее тело другого задано: он должен его активно создать" [1, с. 51]. М.М. Бахтин вносит в неокантианство экзистенциальную тематику тем, что утверждает необходимость познания через Другого, через взаимодействие ценностей и смыслов Я и ценностей и смыслов "Другого". Другой - это не просто индивид, это еще и категория, позволяющая, насколько это возможно, осознать, "объективировать" смысл. Эстетически значимое целое внутренней жизни человека, его душа активно создаются, оформляются и завершаются "только в категории *другого*, позволяющей положительно утверждать личность помимо смысла-долженствования. Душа - это совпадающее само с собою, себе равное, замкнутое целое внутренней жизни, постулирующее внеаходящую любящую активность другого. Душа - это дар моего духа *другому*. Предметный мир в искусстве, в котором живет и движется душа героя, эстетически значим как окружение этой души. Мир в искусстве не *кругозор* поступающего духа, а *окружение* отошедшей или отходящей души" [1, с. 123]. Причем этот диалог Я и Другого никогда не прерывается, он вечен: "Моя активность продолжается и после смерти другого, и эстетические моменты начинают преобладать в ней (сравнительно с нравственными и практическими): мне предлежит целое

его жизни, освобожденное от моментов временного будущего, целей и долженствования. За погребением и памятником следует *память*. Я имею всю жизнь другого *вне* себя, и здесь начинается эстетизация его личности: закрепление и завершение ее в эстетически значимом образе" [1, с. 101]. Иными словами, феномен ценностей и смысла объясняется М.М. Бахтиным через вневременной диалог. В учении М.М. Бахтина не отдельный от всех, независимый субъект оказывается "началом нашего мышления, а "мы", то есть он строит свою систему диалога на фундаменте "внеаходимости", уникальности бытия личности" [6, с. 130].

Как мы увидели, М.М. Бахтин, "отрицая «роковой теоретизм», не признавал определения души человека "вещным" бытием, которое есть ограничение «события бытия». Личность человека не может быть тождественна материальному бытию жизни, ибо не может завершить ее определение". М.М. Бахтин не отказывается от рационального мышления, однако идеи неокантианства у него сочетаются с нравственной проблематикой и критикой. М.М. Бахтин "отрицает диктат монологизма. Поэтому ценностно устанавливаться человек может только вне этого диктата, в области, где есть отношение «Я» - «Другой», в котором не познание создает ценности (как например, у Риккерта), а живой деятельный субъект" [6, с. 137]. Отсюда следует, что М.М. Бахтин не создал всеобъемлющей стройной системы ценностей, но лишь провозгласил, что абсолютной ценностью является культура. Он отказался от рассмотрения ценности как идеального бытия, соотносящегося с «трансцендентальным» сознанием. У М.М. Бахтина "ценность может существовать и без меня, но ни как "в-себе-значимый мир", что не устраняет пропасть между миром культуры и миром человека" . [6, с. 138]. М.М. Бахтин утверждал, в отличие от И. Канта, зависимость ценности от индивидуальных условий жизни человека. М.М. Бахтин внес в понимание культуры (и шире гуманитарного познания) экзистенциальный момент, ибо гуманитарное познание строго индивидуализировано, существует в контексте взаимодействия Я и Другого, их ценностно-волевых установок. Различие и конфликты между гуманитарных наук, необходимостью их объективации и субъективность человека снимаются у М.М. Бахтина через диалог, который разрешает существующие между ними противоречия. М.М. Бахтин, как пишет В.Л. Махлин, осуществил "поворот философии от умозрительных систем, от «*Konstruktionen*» (как выражался В. Дильтей), от *утопизма чистого разума*. Бахтин не только реализовал сам очень своеобразно, но и зафиксировал ... отход от научного идеализма «системы философии» и «философии культуры» как «обедняющих теорий», общее (захватившее в 1920-е годы уже и неокантианство) движение от «гносеологизма всей философской культуры XIX и XX веков» к действительной социальной событийности опыта мира жизни в прошлом и настоящем, как бы ни определял этот опыт и его структуру тот или иной мыслитель [5, с. 446-447].

Источники и литература

- 1) Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности / М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- 2) Бахтин М. М. Разговоры с В.Д. Дувакиным / М.М. Бахтин. 2-е изд., доп. М.: Согласие, 2002. 432 с.
- 3) Бонецкая, М.К. М.М.Бахтин и традиции русской философии / Н.К. Бонецкая // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век. Кн. 1: 20-50-е годы / под ред. В. Лекторского; примеч. В. Лекторского; сост. В. Лекторский. М.: РОССПЭН, 1998 . С. 509–532.
- 4) Ковельман А.Б. Мидраш и неокантианство на фоне русской поэзии и филологии // Эллинизм и еврейская культура. М.: Мосты культуры; Гешарим, 2007. С. 196–198.

- 5) Махлин, В.Л. Бахтин и неокантианство (подступы к проблеме) / В.Л. Махлин // Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / под ред. И.Н. Грифцовой, Н.А. Дмитриевой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) , 2010. 567 с.
- 6) Пантюшин, А.И. Этика неокантианства и творчество М.М. Бахтина: дис. на соиск. уч. степ. кад. философ. наук: 09.00.05 / Пантюшин А.И. Саранск, 2000. 147 с. URL: Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/etika-neokantianstva-i-tvorchestvo-m-m-bakhtina#ixzz5d8Un0CHO>